

Андрей, привет!

Спасибо за рассказы "Gymnus" и "Зоо". Их волна вывела меня снова к игре воображения. Я был совершенно подавлен гостями практически весь месяц. Прости, что не писал в это время, и что в Москве мы мало общались.

Гости — хорошо, из Америки, Израиля и Москвы, но просто не совсем ко времени и один за другим. Все — смотреть гениальные фильмы Маттью Барни (Matthew Barney) в Людвиге. Но я выварился в разговорах и дефинициях, а когда остался один, спал 3 дня.

Из Израиля привезли: 4 номера удивительного журнала "Солнечное Сплетение" (в 2-х мои публикации, стихи); CD с восточными песнями (Nazakat & Salamat Ali Khan, Raga), и жаль, что я не гашишном дыму, книгу Анечки Горенко (посмертное издание), чёрный сандал, мыло, пахнущее лимоном и мятой, жасминовую свечу. Горенку я знал, она мне читала стихи на косом балконе в Иерусалиме, моргала в ночи. Комментарии к её изданию написаны приклатнённой лексикой, её любили тонкие средиземноморские бездельники и агенты потустороннего. Псевдоним она взяла по фамилии Ахматовой, демонстрируя возврат к до-ахматовской эпохе, настоящая её фамилия была странная: Карпа, с ударением на последнем слоге. Погибла от передозировки (27 лет) через пару недель после моего отъезда. Она ходила в тёмном коротком платье с оголённой спиной, как и другие девушки в этот вечер, курила кальян и устраивалась время от времени у ног поэта Володи Тарасова. Пряная богема этой столицы так и осталась во мне этой картинкой с веерами падающих спин, мельхиоровыми водомерками на ресницах, длинными шарфами, "обсыпанными ЛСД". Много винограда в вазах.

Трудно передать степень депрессии, в которой я сейчас то ли пребываю, то ли уже не существую вообще. Возможно, это переутомление, но скорее всего книга Игоря Шевелёва "Год одиночества"; она в ряду "Обломова", романов Ивлина Во, "Камеры обскуры". И набоковская просто — радуга на небесах, просто свет Пастернака времён "Сестры моей жизни" или нашей с Катей хроники 18-и июньских дней в Москве на Речном, по сравнению с шевелёвской мизантропической энциклопедией, после которой не то что кого-то любить, а и повеситься не представляется по-человечески

возможным. Какой там Уильбек — сопляк!

Я понимаю, что это запись изнурённого фантомами читателя, совсем не моя, видевшего виды, но книга безжалостная и настолько сильная по своему воздействию (на меня, сейчас именно), что может выколотить из моего сознания любой скорости и жгучести кошмар и даже сделать его близким, ближе, чем всякий другой образ на свете. Мои слова ничего не значат, кроме того, что мне тошнотворно и дурно, что я не выношу смотреть правде в глаза. В её залитые атропином южные ли, северные ли глазища, в ад налаженного обмена.

Да, Игорь внешне и в своей миролюбивой журналистике не похож на пронизательного человековеда а ля Казанова с большими допусками в кривизне воображения. Осторожность, впрочем, есть и в его прозе, но там она на композиционном уровне, в выборе тона и соотношений, скорости подачи. Он ходит почти на цыпочках по редакционным коридорам, иногда с деловым видом, готовый к улыбочивым реакциям, вслушивающийся московский редактор и вполне себе компанейский голос коллектива. Не тут-то было. Он охотник в масхалате. Я же рассказывал, как я, увидав его книгу на прилавке несколько лет назад, отложил её в сторону, даже не полистав, оттого что фамилия на обложке никак не сцепилась у меня с Игорем: гм... Шевелёв... Я тогда наткнулся на издание "Жертвоприношение коня", которое потом долго искал, и во второй раз не узнал Игоря — в барочной игре этой лексически узловатой книги. "Год" — другое, чем "Жертвоприношение", разве что наблюдательность гипер-активирована, хотя по теме и в первой книге есть "балансирование на краю", форсирование табу, но там ярко стилизованный текст и много новояза, чья оригинальность наваливается на тебя энергичнее, чем план конфликта. Последний воспринимается почти традиционно в контексте эротики "учитель/ученица", Гумберт и Лолита. Но в шевелёвском "Дне" шелестит документалистика, инструкции для оператора. И техника постоянного сюжетного зачина, экспозиция как фрагмент со своей законченностью. Не знаю, где достать издание, его всего 365 копий, разве у самого автора (вы ведь знакомы).

Не на море ли ты? напиши, что и как. Скучаю, обнимаю — Алёша